

**ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В ПОЛИТИКЕ
РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ: КЕЙС ПРОМЫШЛЕННЫХ ПАРКОВ
ОБЛАСТЕЙ ЦФО**

НЕЧАЕВ Дмитрий Николаевич, доктор политических наук, профессор, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Воронежский филиал, адрес: 394036, Россия, г. Воронеж, ул. К.Маркса, д. 67а, e-mail: nechaevpolitia@rambler.ru
AuthorID (РИНЦ): 251272

Аннотация. Цель статьи рассмотреть роль индустриальных и промышленных парков как территориальных институтов в преодолении последствий деиндустриализации, а также в осуществлении регионами РФ стратегий реиндустриализации и новой индустриализации. Особый акцент в работе сделан на массовом феномене индустриальных и промышленных парков, как драйверов институциональных изменений в промышленном комплексе макрорегиона Центральной России. На примере 17 областей ЦФО автором предложена классификация регионов по уровню промышленного развития, на который существенно влияет институт индустриальных и промышленных парков. В статье представлен алгоритм коллективных действий правительственных структур и менеджмента территориальных институтов развития в обеспечение последовательных институциональных изменений. Эти изменения, в свою очередь, либо возвращают индустриальный статус субъектам РФ, утраченный в процессе деиндустриализации, либо усиливают имеющийся индустриальный статус региональных территорий посредством создания и развития инновационных производств на базе институтов развития. Сформулировано заключение о формирующемся институциональном дизайне регионов Центральной России.

Ключевые слова: деиндустриализация, территориальные институты, государство, промышленная политика, стратегии, реиндустриализация и новая индустриализация, институциональные изменения, прогресс территорий.

Для цит.: Нечаев Д.Н. Территориальные институты в политике реиндустриализации: кейс промышленных парков областей ЦФО //Среднерусский вестник общественных наук. 2022.- Том 17.- №1.- P.102-119. -DOI: 10.22394/2071-2367-2022-17-1-102-119

**TERRITORIAL INSTITUTIONS IN THE REINDUSTRIALIZATION POLICY:
CASE OF INDUSTRIAL PARKS OF THE
CENTRAL FEDERAL DISTRICT REGIONS**

NECHAEV D.N., Doctor of Political Sciences, Professor, Voronezh branch of the Russian Economic University (REU) named after Plekhanov G.V., Chairman of the Expert Council of the Institute for Political Analysis and Strategies (Russian Federation, Voronezh), e-mail: nechaevpolitia@rambler.ru

Abstract. The purpose of the article is to consider the role of industrial and industrial parks as territorial institutions in overcoming the consequences of deindustrialization, as well as in the implementation of reindustrialization and new industrialization strategies by the regions of the Russian Federation. Special emphasis is placed on the mass phenomenon of industrial and industrial parks as drivers of institutional changes in the industrial complex of the macroregion of Central Russia. At least 17 regions of the Central Federal District, the author proposed a classification of regions by the level of industrial development, which is significantly influenced by the institute of industrial and industrial parks. The article presents an algorithm of collective actions of government structures and the management of territorial development institutions to ensure consistent institutional changes. These changes, in turn, either return the industrial status to the subjects of the Russian Federation, lost in the process of deindustrialization, or strengthen the existing industrial status of regional territories.

Keywords: deindustrialization, territorial institutions, state, industrial policy, strategies, reindustrialization and new industrialization, institutional changes, territorial progress.

For citations: Nechaev, D.N. (2022) Territorial Institutions in the Policy of Reindustrialization and New Industrialization: the case of Industrial Parks in the macro region of Central Russia // Central Russian Journal of Social Sciences. volume 17, Issue 1. P.102-119. -DOI: 10.22394/2071-2367-2022-17-1-102-119

Введение

В связи с наличием императива промышленного развития (в том числе инновационного) для органов власти и управления России в условиях экономических и технологических санкций стран Запада, необходимости преодоления последствий деиндустриализации территорий страны, автор тестирует гипотезу о роли промышленных парков, как институтов развития, в реализации регионами РФ стратегий реиндустриализации и новой индустриализации. Выявляется направленность государственной промышленной политики России на общенациональном и субнациональном уровнях, в основе которой лежит массовый феномен индустриальных и промышленных парков, как драйверов институциональных изменений.

В рамках институционального и неинституционального подходов решаются следующие задачи. Во-первых, обосновывается позиция, что в преодолении последствий деиндустриализации территорий и в их устойчивом промышленном развитии особую роль играют территориальные институты (организационные структуры, «правила игры»), интеракционизм правительств и институтов (коллективное действие).

Во-вторых, на примере макрорегиона Центральной России предложена классификация областей, в него входящих, по уровню промышленного развития, на который существенно влияет институт индустриальных и промышленных парков. Это понимание неравенства в промышленном развитии позволяет правительству РФ с помощью конкретных мер выравнивать имеющиеся межрегиональные различия. В-третьих, представлен алгоритм коллективных действий правительственных структур и менеджмента территориальных институтов развития в обеспечение институциональных изменений. В свою очередь, эти изменения, либо возвращают индустриальный статус субъектам РФ, утраченный в процессе деиндустриализации, либо усиливают имеющийся индустриальный статус региональных территорий посредством создания и развития инновационных производств на базе институтов развития. Автор в своем исследовании обращается к методу контент-анализа, который позволяет определять количественные и качественные характеристики промышленного развития территорий макрорегиона, динамику институциональных изменений. Сформулировано заключение о формирующемся институциональном дизайне регионов Центральной России.

Для современной России в условиях мир – системной модели (мировая система была и есть мироэкономикой по И. Валлерстайну) и высокой конкуренции между государствами, группами государств особую актуальность в обеспечении своего суверенитета и национальной безопасности приобретает устойчивое промышленно-инновационное развитие. Ведь, соотношение производственных процессов, характерных для ядра мировой системы и ее периферии, и веса конкретной политики [4, С.111], зависит судьба этого государства (слабые политики с промышленным

комплексом периферии лишь принимают уготованную им судьбу). Неблагоприятный политико- управленческий тренд скатывания постсоветской России к государствам периферии был заложен в период с 1990-х годов и начала 2000-х годов, с наложением нескольких взаимосвязанных факторов: политического фактора («выдающиеся случаи» системного провала государства в управлении отраслями и сферами, не эффективным проведением реформ [21, С.17]), экономического фактора (с провалами рынка, с деиндустриализацией территорий), социального фактора (депопуляции, десајентизации, массового и масштабного снижения уровня жизни), институционального фактора (с деинституционализацией).

Институты и организации в отрасли промышленности: взаимовлияние и проблематика доминирования

Среди глобальных проблем постсоветской России в стратегически важной отрасли промышленности мы имеем дело с проблемами двух типов, влияющих, в том числе, и на электоральные процессы, если исходить из типологии проблем американского политолога А. Кэмпбэлла. Первая проблема – это свершившаяся масштабная деиндустриализация и остающаяся отраслевая архаика, ведущая страну к деградации и отсталости. Эту проблему логично обозначить как позиционную, где имеет место быть разногласия между различными политическими акторами в оценке целей и перспектив деятельности общенационального правительства. Необходимость реиндустриализации и новой индустриализации, обеспечивающих устойчивое промышленно-инновационное развитие, предстает как знаковая проблема, базирующаяся на символической подсистеме и оценке ее общезначимости, с конструктом убеждений, соединяющим государство в единый организм и сохраняющим политику от дестабилизации. При этом, как полагает А. Кэмпбэлл, по мере возникновения новых проблем политические акторы будут обретать новые оценки в выборе альтернатив политики [24, р.215].

Роль институтов, с одной стороны, в решение позиционных и знаковых проблем, в другой стороны, и в обеспечении развития государств и территорий, с другой стороны, чрезвычайно высока. Экономист и политолог М. Олсон приводит пример успешного развития Великобритании, когда за консолидацией демократических прав у определенных групп населения после Славной революции (поддержание и продвижение общегрупповых интересов [14, С.4]), в стране произошла и промышленная революция. Профессор социальных наук Ю. Эльстер, обращает внимание на классическую работу А. де Токвиля, исследовавшего демократию в США и позитивно оценивавшего ее за те эффекты, которые, по сути дела, являлись побочными продуктами [23, с.159]. Перефразируя данный тезис, подчеркнем следующее. Успехи данной страны в экономическом развитии стали побочными результатами строительства в этой политике демократических институтов.

Рассматривая значение институтов в промышленном развитии национальных государств и территорий этих государств, важно обратить внимание на различие институтов и организаций. Экономист и политолог Д. Норт отмечает принципиальную разницу между ними, хотя миссия институтов и организаций зачастую совпадает: они структурируют взаимодействия между индивидами. В рамках теории Д. Норта институты – это правила, а организации – это игроки, поэтому отделение правил от игроков в теории данного ученого логично и обоснованно. Ведь правила ориентированы на то, чтобы видеть, как происходит игра в разрезе честно – нечестно. При этом основная цель команды акторов организаций, играющей по этим правилам, состоит в выигрыше. Таким образом, организации, по оценке Д. Норта, это политико-управленческие органы и государственные учреждения [13, с.19], а институты же выступают в качестве норм и правил игры. Более того, государственные структуры (организации) предстают в роли инициаторов институциональных изменений.

Если перевести данный концепт на политико-управленческие практики постсоветской России, то именно органы государственного управления выступают инициаторами «выращивания» новых институтов (особых экономических зон – ОЭЗ, территорий опережающего социально-экономического развития – ТОСЭР, индустриальных и промышленных парков) в реанимации и развитии промышленного комплекса. Эти новые институты имеют целью предопределить позитивный процесс промышленного развития национальных государств, макрорегионов этих государств (исторически сложившуюся часть территорий этих государств, выделяемых для оптимума стратегического планирования), конкретных регионов. Согласно существующему законодательству о планировании в РФ 2014 года в стране образовано 12 макрорегионов, включая макрорегион Центральной России. Для федерального центра региональное развитие является приоритетом, предусматривающим принятие решений как по текущим потребностям социума, так и по целевым миссиям развития территорий с акцентом на инновационно-прорывные направления [8, с.61].

Не менее значим в нашем исследовании и подход в оценках государства и его территорий в промышленном развитии, роли особого вида институтов – территориальных институтов. Французский политолог П. Бурдьё определил государство как некий принцип ортодоксии, как порядок физический и как противоположность хаосу, анархии и беспорядку. Государство, по П. Бурдьё, обосновывает смысл социального мира, интеграцию индивидов в этот мир с наличием фундаментального консенсуса по необходимости приращения общего блага. Промышленное развитие, его позитивные результаты, на наш взгляд, часть этого приращения. Государство, считает также П. Бурдьё, это и наука управления с идеологией государственной службы, и политика, признаваемая обществом легитимной во многом потому, что не все индивиды рассматривают возможность поступать иначе [3, с.51-52].

Территорию национального государства, как полагает профессор Университета Париж-Дофин Жан-Клод Тёниг в работе «Территориальные институты», необходимо исследовать с точки зрения политико-географического фактора. Сами же территориальные институты имеют политическую юрисдикцию, обуславливают экономическую деятельность и обеспечивают социальное взаимодействие [25].

Российский исследователь Р. Туровский, специализирующийся на исследовании политических отношений «центр – регионы», рассматривает территорию как территориально-политическую систему (ТПС), в которой эффективность власти в управлении отраслями и сферами (в том числе и промышленным комплексом) определяется им с точки зрения обеспечения политической стабильности и сохранения гражданского порядка [19, С.30]. Территориальные институты РФ, если исходить из их вклада в стабильность ТПС, участвующие в промышленном развитии регионов, с одной стороны, являются чаще всего инициативой органов власти и управления территорий, представляют собой взаимодействие (интеракционизм) федерального центра и регионов. К примеру, территориальный институт индустриальных и промышленных парков стал следствием усилий властей региональных территорий в преодолении последствий деиндустриализации и в проведении политики модернизации отрасли промышленности, с другой стороны, данный институт получает федеральную финансовую поддержку.

Интересен для нашего исследования и еще один концепт. Американский политолог Дональд Ф. Кетл, специалист по институтам и государственному управлению, отмечает важность наличия идей в деятельности общенациональных правительств, которые влияют на становление и развитие институтов. Данный специалист подчеркивает, что идеи не только порождают действия, но и формируют критерии [9, с.724], по которым экспертные и научные сообщества оценивают эффективность государственного управления в отраслях и сферах федерального правительства. В то же время, исследуя взаимодействие институтов и государственной бюрократии, американский политолог в своих работах предлагает и доказывает следующую гипотезу. Бюрократия, по мысли ученого, предшествует появлению институтов. При этом сами институты могут быть более эффективными, чем государственные структуры и государственные учреждения. Дональд Ф. Кетл также полагает, что бюрократию стоит относить к более сложным организациям, которые ориентированы на выполнение специальных задач. К примеру, такими задачами на общенациональном и субнациональном уровнях могут быть задачи по реиндустриализации территорий или по реализации стратегий новой индустриализации.

Кроме того, политолог из США определяет задачи бюрократии в ракурсе трех головоломок: сочетании действий бюрократии, миссии и демократических процедур. Во-первых, эффективности бюрократических действий. Ведь, действия - локус государственной власти, которые одобряются субъектами политики с уважением перед ней, или из-за боязни после-

дующих за неисполнение санкций. Во-вторых, в правильности обозначения миссия правительств, поскольку функционирование правительств чаще всего состоит в координации сложных видов деятельности, в том числе институтов и государственных структур. В-третьих, это наличие дилеммы в функционировании правительства и бюрократии, у которых могут быть разные интересы. Ведь, правительство, как правило, стремится делать то, что предпочитают индивиды, которые участвуют в демократических процедурах.

Стоит также иметь в виду, что правительство не может осуществлять деятельность в приращении общего (публичного) блага без бюрократии. В то же время, само существование бюрократии может негативно отражаться на приращении этого блага (к примеру, на результатах промышленного развития). Более того, априори бюрократия представляет собой определенную угрозу демократии и демократическим процедурам. Решая эту головоломку применительно к каждому национальному государству, важно понимать, чтобы правительства и бюрократия разделяли общие идеи экономического и промышленного развития политий. В то же самое время, нельзя исключать и точку зрения А. Грейфа, что создание эффективного государства с правительством и бюрократией, представляет собой процесс институционального развития [7, С.257], который таргетирует хищнические интересы индивидов и групп, ориентируя их, как экономических агентов, на участие в развитии территорий.

Институциональные реформы в постсоветской России: преодоление трех «Д»: деиндустриализации, десайентизации, деинституционализации

Функционирование институтов (в том числе территориальных) и правительств (в том числе, региональных) в странах Запада и в России имеет серьезные отличия. И эти отличия формируются природой политических процессов (западный и незападный процессы) и типов политических культур. По оценке политолога Л. Пая, в западных социумах сфера политики недостаточно четко отделена от системы межличностных и общественных взаимодействий, в политике велико влияние клики, принятия властью политических решений слабо коррелируются с масштабом и остротой политического дискурса [16, С.66-85]. Автор, на примере проблематики промышленного развития, согласен с утверждением Л. Пая. Действительно, что масштаб и острота дискурса в период 2000-х годов о деиндустриализации и необходимости ее преодоления, не находила должного отражение в государственной промышленной политике. Кроме того, по нашему мнению, в странах Запада институты доминируют над организациями (структурами), в России же организации (государственные структуры) доминируют над институтами. Более того, в рамках западного политического процесса государственные структуры РФ корректируют или подправляют правила и нормы (институты), в странах Запада наоборот, чаще

всего сложившиеся нормы и правила (институты) видоизменяют государственные организации.

И еще, в преодолении последствий деиндустриализации и выходе на проведение масштабной политики реиндустриализации в РФ мы видим обедненный институциональный дизайн, как с наличием небольшой численности общенациональных, так и территориальных институтов (данные приведены ниже). Причину этого, по нашему мнению, стоит искать в типах политических культур: западной (участнической), отечественной (подданнической). В частности, политолог Ш. Эйзенштадт, исследуя институты, типы культур и демократические процедуры, пришел к выводу о массовости на Западе институтов, участвующих в развитии и приращении общего блага. В основе этого участия - символическая разработанность существования индивидов, порождающую автономность институциональных организаторов, институциональный дизайн рынков и свободных ресурсов [22, с.157]. Такой же аргументации придерживается и ряд российских политологов, подчеркивая, что институты предстают перед нами как культурологический продукт и продукт социума, а тип культуры и социум как результат деятельности институтов.

Отечественный кейс экономического развития России достаточно основательно изучил и аргументировал в своих работах А. Гершенкрон, подчеркивая спиралевидный характер данного процесса (от отсталости к прогрессу и опять к отсталости). Институциональный ракурс военных нужд становился основным мотивом стремительного рывка страны к экономическому развитию и прогрессу. При этом, по мысли ученого, в данном процессе происходило взаимодействие государства и предпринимателей для того, чтобы производить промышленные товары с новыми свойствами. Фактически, военная нужда, как некое непереносимое правило, инициировало процесс ускоренной индустриализации, неразрывно связанной с технологическим прогрессом и развитием новых форм организации производства [5, с.254-255]. Современный российский исследователь А.Е. Городецкий считает, что создание и сопровождение новых институтов объективным процессом, частью системных реформ. И именно в период 2000-х годов в России стартовали реформы «второго поколения» (институциональные реформы [6, с.302]). Вследствие этого, институциональный императив в РФ, как обратная сторона промышленного императива, приобрел характер институциональной модернизации.

Для преодоления промышленной разрухи в России и в ее регионах, в базовой основе которой лежали три «Д» (деиндустриализация, десайентизация и деинституционализация [10, с.34]), к середине «нулевых» годов со стороны государства, был инициирован процесс «выращивания» новых институтов. К примеру, на начало сентября 2021 года было создано 42 Особых экономических зоны: 23 промышленно-производственного и 7 технико-внедренческого типов [15]). Также происходил процесс модернизации «старых» институтов, выразившегося в господдержке промышлен-

ных производств, во внедрении основ планирования и некоторых элементов протекционизма. Параллельно с деятельностью федеральных государственных структур в рамках моделей «архитектора» (проектирование институтов) и «садовника» (воспроизводства институтов) свою роль в процессах институциональной модернизации играли и субъекты РФ. Именно регионы формировали институциональную среду в территориях, в основе которой был заложен институт индустриальных и промышленных парков (на середину 2021 года в региональных территориях функционировало 179 индустриальных и промышленных парков, в стадии создания находилось 99 парков¹).

Важным направлением в промышленном развитии государств и их территорий, в том числе и в постсоветской России, является отраслевое промышленное законодательство и нормотворчество. В основе такого подхода, как нам представляется лежит политическая метафора Л. Роббинса о «видимой руке законодателя», как противовеса метафоре классика английской политической экономии А. Смита о «невидимой рукой рынка». Ведь, именно «рука законодателя» позволяет исключать эгоистические интересы отдельных индивидов, которые не сочетаются с полезностью общих благ более высокого порядка [17, с.359]. А этот высокий порядок применительно к РФ связан с социально-экономическим развитием и технологическим прогрессом в отраслях экономики и социальной сфере. Используя политическую метафору «видимая рука законодателя», стоит отметить, что в 2014-х году в России были приняты федеральные законы о промышленной политике и стратегическом планировании, которые создали базу системных институциональных изменений в индустриальной отрасли. И, в определенной мере, это стало противовесом системных провалов государства и рынка в реальном секторе экономики в 1990-е годы.

Значимым шагом в нормотворчестве по созданию институциональной среды стало принятие в 2015 году постановления Правительства РФ о приведении деятельности индустриальных и промышленных парков в соответствие с федеральными стандартами и о принятии мер по государственной поддержке данных территориальных институтов развития. Параллельно с этими мерами с 2015 по 2018 год в 17 областях макрорегиона Центральной России было принято и региональное промышленное законодательство. В 2015 году были приняты региональные законы о промышленной политике на 5 территориях (Владимирская, Брянская, Ярославская, Тульская, Орловская области). Аналогично в 2016 году «промышленные» законы утверждены региональными парламентами на 6 территориях (Белгородская, Московская, Ивановская, Тамбовская, Курская и Тверская области), в 2017 году закон о промышленной политике

¹ Информация по индустриальным и промышленным паркам представлена согласно данным министерства промышленности и торговли РФ

принят в Смоленской области. Важность принятия промышленного законодательства была осознана региональной политической элитой задолго до принятия профильного федерального закона в Калужской (1999 год), Липецкой (2001 год) и Рязанской областях (2006 год).

Особенности реализации стратегий реиндустриализации и новой индустриализации областей в макрорегионе Центральной России

Промышленное развитие субъектов РФ, как компонент экономического развития, является частью политики государства в промышленном комплексе. Государственная промышленная политика РФ предопределяет ключевые свойства отрасли и базовые возможности для осуществления стратегических целей и тактических задач в экономико-социальном и инновационном развитии политики [20, с.286]. Государственная промышленная политика реализуется, как на федеральном уровне в отношении территорий правительством РФ, так и на региональном уровне органами власти и управления территорий. Данная политика включает в себя наличие стратегий (системное использование институтами государства полномочий и ресурсов в достижении значимых целей социума [11, с.37]), осуществляемых на практике. Как на общенациональном уровне, так и на субнациональном уровне. При этом в основе стратегий лежит фактор изменений, которых профессор Гарвардского университета Кэрл Вайс отводит значимое место программам, проектам, неформальным правилам и договоренностям [26, Р.3].

Автор, проведя анализ эмпирической информации (численность территориальных институтов развития, в том числе индустриальных и промышленных парков в макрорегионе, количество резидентов, показатели индекса промышленного производства субъектов РФ в период 2000-х годов, стратегии развития территорий), классифицировал 17 областей Центральной России (кроме Москвы). В итоге, получаем три группы по уровню промышленного развития, с участием в данном процессе индустриальных и промышленных парков, и те стратегии, которые осуществляют на практике региональные власти данных территорий.

Первая группа территорий макрорегиона Центральной России включает в себя области произошедшей масштабной деиндустриализации. В данных регионах посредством территориальных институтов (в том числе индустриальных и промышленных парков) власти и институт предпринимательства проводят реанимацию промышленного комплекса и преодолевают последствия деиндустриализации. По данным отечественных исследователей из 17 областей Центральной России на конец 2017 года 8 территорий входило в так называемый «ржавый пояс ЦФО» [12]. Это Ивановская, Тверская, Воронежская, Костромская, Орловская, Смоленская, Брянская и Владимирская области. Для данных территорий в 1992 – 2013 годах, если исходить из их теоретических оценок экономиста Дарона Асемоглу, была характерна долгосрочная регрессия. Федеральный центр, ор-

ганы власти и управления вышеназванных областей в 2014 – 2021 годах использовали и используют широкий набор территориальных институтов, определяющих экономический рост, поощряющих приток инвестиций [1, С.1384].

Стоит отметить, что в выделенных областях этой группы важно подчеркнуть две политико-управленческие тенденции. Во-первых, это тенденция ряда территорий группы к выходу из «ржавого пояса», с последовательным возвращением себе ранее утраченного статуса индустриального региона. К примеру, в Воронежской области функционирует 5 индустриальных парков, ОЭЗ промышленно-производственного типа, ТОСЭР «Павловск, в Орловской области - два индустриальных парка («Зеленая роща», «Орел»), ОЭЗ и ТОСЭР «Мценск». Во-вторых, это тенденция сохранения ряда территорий ЦФО в «ржавом поясе» в среднесрочной перспективе и трудности в реализации стратегий реиндустриализации без масштабных инвестиционных вложений и проектов федерального центра. Речь идет о Смоленской, Тверской, Костромской и Ивановской областях.

Таблица 1 – Индустриальные и промышленные парки областей макрорегиона Центральной России (первая группа)

Table 1 – Industrial and industrial parks of the macro-regions of Central Russia (first group)

Название региона	Количество индустриальных и промышленных парков
Брянская область	1
Владимирская область	4
Воронежская область	5
Ивановская область	4
Костромская область	2
Орловская область	2
Смоленская область	2
Тверская область	5

Вторая группа – регионы промышленной архаики, реализующих с помощью индустриальных и промышленных парков стратегию активной реиндустриализации и системную модернизацию промышленного комплекса территории. В эту группу территорий макрорегиона автор отнес Московскую, Ярославскую, Тульскую, Тамбовскую, Рязанскую и Курскую области. Перечислим причины. Во-первых, процесс деиндустриализации данных областей не имел глобального для территорий характера. Во-вторых, при наличии индустриальных и промышленных парков в этих регионах, органы госуправления и бизнес- сообщество стали осуществлять ряд проектов и программ в целях промышленного развития (технологиче-

ской модернизации «старых» производств и учреждение новых предприятий на базе индустриальных парков, ОЭЗ и ТОСЭР). Более того, действия двух сторон были ориентированы и на «выращивание» особых институтов, которые относились к неформальным правилам и договоренностям, придающим конструктив социальным взаимодействиям и формирующим институциональную среду созидания [2, С.351].

Таблица 2 – Индустриальные и промышленные парки областей макро-региона Центральной России (вторая группа)

Table 2 – Industrial and industrial parks of the macro-regions of Central Russia (second group)

Название региона	Количество индустриальных и промышленных парков
Курская область	2
Московская область	33
Рязанская область	5
Тамбовская область	2
Тульская область	1
Ярославская область	7

Третья группа - промышленно развитые регионы Центральной России (по аналогии с промышленно развитыми странами), с активно функционирующими институтами промышленных изменений и стратегиями новой индустриализации. Это Калужская, Липецкая и Белгородская области. Соотнесение этих территорий с группой промышленно развитых регионов ЦФО объясняется следующими причинами.

Во-первых, региональные власти данных территорий сохранили основную массу промышленных предприятий для решения задач их модернизации.

Во-вторых, органы управления этих территорий воспользовались благоприятной экономической конъюнктурой и временем политической стабильности начала 2000-х годов для формирования территориальных институтов, которые обеспечили промышленный рост.

В-третьих, были торпедированы усилия деструктивных групп региональной элиты в их попытках рейдерских захватов промышленных производств, с последующим их перепрофилированием под торговые центры и земельные площадки для жилищного строительства.

В-четвертых, в сферу промышленного развития территорий удалось привлечь тех, кто, по мнению экономических социологов Д. Рюшемайера и П. Эванса, является дополнительными агентами институциональных изменений [18, с.195]. Это и федеральные институты развития (в 2005 году в Липецкой области была создана первая в ЦФО ОЭЗ). Это и сеть индуст-

риальных и промышленных парков (в 2009 году в Белгородской области был создан первый в регионе промышленный парк «Северный»), выступившего в роли агента накопления и распределения.

Таблица 3 – Индустриальные и промышленные парки макрорегиона Центральной России (третья группа)

Table 3 – Industrial and industrial parks of the macroregion of Central Russia (third group)

Название региона	Количество индустриальных и промышленных парков
Белгородская область	6
Калужская область	12
Липецкая область	6

Заключение

Рассматривая в рамках марксистского подхода ту ситуацию, что при решении острых и масштабных экономических проблем субъектам политики необходимо найти ключевое звено, чтобы вытащить всю цепь, важно остановить свой взгляд на следующих аспектах.

Первый аспект: устойчивое и поступательное социально-экономическое развитие регионов России невозможно без системных и динамичных усилий государства и бизнес-сообщества в реанимации промышленного комплекса, реализации стратегий реиндустриализации и новой индустриализации на территориях страны. Этот императив заложен в суть государственной промышленной политики РФ, осуществляемой на общенациональном и субнациональном уровнях.

Второй аспект: алгоритмом действий в данном направлении является запуск процессов реинституционализации и ресайентизации с участием Правительства РФ и правительств регионов в реанимации «старых» институтов (системная поддержка отрасли, промышленное планирование), «выращивание» новых институтов, включая особые экономические зоны (ОЭЗ), территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭРы), индустриальные и промышленные парки.

Третий аспект: индустриальные и промышленные парки как территориальный институт стали в регионах РФ массовым феноменом. Кроме того, они зарекомендовали себя как ключевой инструмент преодоления последствий деиндустриализации большой группы проблемных территорий, имеющих целью возвращение индустриального статуса, реиндустриализацию территорий догоняющего развития с модернизацией «старых» и созданием новых промпроизводств и новой индустриализацией промышленно развитых субъектов РФ, индустриализацию, базирующуюся на ценностях Четвертой промышленной революции (искусственный интеллект, синтетическая биология, цифровизация), с уже работающими предприя-

тиями пятого и шестого технологических укладов.

Библиография/References:

1. Асемоглу Д. Введение в теорию современного экономического роста: в 2 кн. Книга 2 //Дарон Асемоглу; пер. с англ. Под науч. ред. Кирилла Сосунова. - М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 736 с.
2. Боулз С. Микроэкономика. Поведение, институты и эволюция // Самуэль Боулз; пер. с англ. Букина К.А., Демидовой А.В., Карабекян Д.С., Карпова А.В., Шиловой Н.В. - М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2011. – 576с.
3. Бурдые П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989 – 1992) /П. Бурдые; (ред.-сост. П. Шампань, Р. Ленуар, Ф. Пупо, М.-К. Ривьер); пер. с фр. Д. Кралечкина и И.Кушнаревой; предисл. А. Бикбова. - М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 720с.
4. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение /Иммануил Валлерстайн; пер. с англ, вступ. ст. и прил. Г.М. Дарлугьяна. – М.: УРСС: ЛЕ-НАНД, 2018. –304с.
5. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе /А. Гершенкрон; науч. ред. А.А. Белых; перевод с англ. А.В. Белых. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. –536с.
6. Городецкий А.Е. Государство и институциональный императив / Urbietorbi // под общ. Ред. Р.С. Гринберга, А.Я. Рубинштейна: в 4 т. – СПб.: Алетейя, 2015. Т.4 Институты современной экономики // под ред. А.Е. Городецкого. С.301-319. С. 302.
7. Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли //А. Грейф; пер с англ. И. Кушнаревой; вступ. ст. М. Юдкевич. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2018 536 с. С. 257.
8. Ильичева Л.Е., Лапин А.В. Стратегии социально- экономического развития регионов в ракурсе национальных целей и приоритетов: Политический анализ. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. – 272 с.
9. Кетл Дональд Ф. Реорганизация государственного управления. Анализ деятельности федерального правительства //Классики теории государственного управления: американская школа /Под ред. Дж. Шафритца, А. Хайда. – М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 723 – 743. –С. 724.
10. Клейнер Г.Б. Реиндустриализация, ресайентизация, реинституционализация – ключевые задачи экономического возрождения России//Экономическое возрождение России. 2015. –№4(46). – С.34-39.
11. Малган Дж. Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага / пер. с англ. Ю. Каптуревского под науч. ред. Я. Охонько. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. – 472 с.
12. Нечаев Д.Н., Селиванова Е.С. К «новой» индустриализации: политические условия реализации региональной государственной промышленной политики в РФ (на примере областей ЦФО). Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2018. – 206 с.

13. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики // Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
14. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп /Мансур Олсон; Пер. с англ. Е. Окороченко. – М.: ФЭИ, 1995. 174 с.
15. Особые экономические зоны: Министерство экономического развития РФ — URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/instrumenty_razvitiya_territoriy/osoby_ekonomicheskie_zony/ (дата обращения: 10 марта 2022 года).
16. Пай Л. Незападный политический процесс //Политическая наука. 2003. –№2. –С. 66-85
17. Роббинс Л. История экономической мысли: лекции в Лондонской школе экономики /Л. Роббинс: пер. с англ. Н.В. Автономовой под ред. В.С. Автономова. – М.: Изд. Института Гайдара, 2017. 488 с.
18. Рюшемайер Д., Эванс П. Государство и экономические преобразования: к анализу условий эффективного государственного вмешательства // Классика новой экономической социологии /сост. В.В. Радаев, Г.Б. Юдин; пер. с англ. ис фр. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. –С.192–232.
19. Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений /Р.Ф. Туровский. – М.: Издательский Дом ГУ ВШЭ, 2007. – 399с.
20. Фоломьев А.В. Промышленность России: состояние, конкурентно-способность и перспективы модернизации /А.В. Фоломьев //Россия в XXI веке /Под ред. Л.Е. Ильичевой, В.С. Комаровского. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. С. 286–302.
21. Хедлунд, С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала /С. Хедлунд; пер. с англ. Н.В. Автономовой; под науч. ред. В.С. Автономова. – М.: Изд.дом Высшей школы экономики, 2015. – 424 с.
22. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций /Ш. Эйзенштадт; Пер. с англ. А.В. Гордона под ред. Б.С. Ерасова. – М.: Аспект Пресс, 1999. –416 с.
23. Эльстер Ю. Кислый виноград. Исследование провалов рациональности /Ю. Эльстер; Пер. с англ. И. Кушнareвой; науч. ред. перевода А. Морозов. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. –296 с.
24. Campbell A. The American Voter /Angus Campbell, Philip E. Converse, Warren E. Miller and Donald E. Stokes. – Chicago: London: The University of Chicago Press, 1960. – 574 p.
25. Thoenig Jean-Claude Territorial Institutions /Jean-Claude Thoenig //Political institutions; Edited by R.A.W. Rhodes, Sarah A. Binder and Bert A. Rockman. – Oxford: University Press. 2006. –P. 281-303.

26. Weiss Carol H. Evaluation: Methods for Studying Programs and Policies: 2nd edition / Carol H. Weiss. – New Jersey: Prentice Hall? Upper Saddle River, 1998. –372 p.

1. Asemoglu, D. (2021) Vvedenie v teoriu sovremennogo ekonomicheskogo rosta: v 2 kn. Kniga 2 [Introduction to the theory of modern economic growth: in 2 books. Book 2] /Daron Asemoglu; per. s angl. Pod nauch. red. Kirilla Sosunova. - M.: Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS - 736 s. (In Russ.)

2. Boulz, S. (2011) Mikroekonomika. Povedenie, instituty i evoliutsiia [Microeconomics. Behavior, Institutions and evolution] / Samuel' Boulz; per. s angl. Bukina K.A., Demidovoi A.V., Karabekian D.S., Karpova A.V., Shilovoi N.V. - M.: Izd-vo «Delo» ANKh. - 576 s. (In Russ.)

3. Burd'e, P. (2016) O gosudarstve: kurs leksii v Kollezhe de Frans (1989 – 1992) [On the state: lectures at the Collège de France (1989 – 1992)] / P. Burd'e; (red.-sost. P. Shampant', R. Lenuar, F. Pupo, M.-K. Riv'er); per. s fr. D. Kralechkina i I. Kushnarevoi; predisl. A. Bikbova. – M.: Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS. - 720 s. (In Russ.)

4. Vallerstain, I. (2018) Mirosistemnyi analiz: Vvedenie [World-system analysis: an Introduction] //Immanuel Vallerstain; per. s angl, vstup. st. i pril. G.M. Darlug'iana. – M.: URSS: LENAND. - 304 s. (In Russ.)

5. Gershenkron, A. (2015) Ekonomicheskaiia otstalost' v istoricheskoi perspektive [Economic backwardness in historical perspective] //nauch. red. A.A. Belykh; perevod s angl. A.V. Belykh. – M.: Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS. - 536 s. (In Russ.)

6. Gorodetskii, A.E. (2015) Gosudarstvo i institutsional'nyi imperativ [Government and institutional imperative] // Urbietorbi // pod obshch. Red. R.S. Grinberga, A.Ia. Rubinshteina: v 4 t. – Spb.: Aleteiia. T.4 Instituty sovremennoi ekonomiki / pod red. A.E. Gorodetskogo. S.301-319. (In Russ.)

7. Greif, A. (2018) Instituty i put' k sovremennoi ekonomike. Uroki srednevekovoi trgovli [Institutions and the path to a modern economy. Lessons of medieval trade] /A. Greif; per s angl. I. Kushnarevoi; vstup. st. M. Iudkevich. – M.: Izd. Dom Vyshei shkoly ekonomiki. -536 s. (In Russ.)

8. Il'icheva, L.E., Lapin A.V. (2021) Strategii sotsial'no- ekonomicheskogo razvitiia regionov v rakurse natsional'nykh tselei i prioritetrov: Politicheskii analiz [Strategies of socio-economic development of regions from the perspective of national goals and priorities: Political analysis] /L.E. Il'icheva, A.V. Lapin. – M.: Izdatel'stvo «Aspekt Press». - 272 s. (In Russ.)

9. Ketl Donal'd F. (2003) Reorganizatsiia gosudarstvennogo upravleniia. Analiz deiatel'nosti federal'nogo pravitel'stva [Reorganization of public administration. Analysis of the activities of the Federal Government] //Klassiki teorii gosudarstvennogo upravleniia: amerikanskaia shkola [Classics of the theory of public administration: the American school] /Pod red.Dzh. Shafrittsa, A. Khaida. – M.: Izd-vo MGU. S. 723 – 743. (In Russ.)

10. Kleiner, G.B. (2015) Reindustrializatsiia, resaientizatsiia, reinstitutsionalizatsiia – klichevye zadachi ekonomicheskogo vrozhdeniia Rossii [Reindustrialization, reinstitutionalization– reinstitutionalization - key tasks of the economic revival of Russia] /G.B. Kleiner //Ekonomicheskoe vrozhdenie Rossii [The economic revival of Russia]. №4(46). – S.34-39. (In Russ.)
11. Malgan, Dzh. (2011) Iskusstvo gosudarstvennoi strategii: Mobilizatsiia vlasti i znaniia vo imia vseobshchego blaga [The Art of state strategy: The mobilization of power and knowledge in the name of the common good] // per. s angl. lu. Kapturevskogo pod nauch. red. Ia. Okhon'ko. M.: Izd. Instituta Gaidara. - 472 s. (In Russ.)
12. Nechaev, D.N, Selivanova, E.S. (2018) K «novoii» industrializatsii: politicheskie usloviia realizatsii regional'noi gosudarstvennoi promyshlennoi politiki v RF (na primere oblastei TsFO). [Towards a "new" industrialization: political conditions for the implementation of regional state industrial policy in the Russian Federation (on the example of the Central Federal District regions)] Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr «Nauchnaia kniga». - 206 s. (In Russ.)
13. Nort, D. (1997) Instituty, institutsional'nye izmeneniia i funktsionirovanie ekonomiki [Institutions, institutional changes and the functioning of the economy] /D. Nort; Per. s angl. A.N. Nesterenko; predisl. i nauch. red. B.Z. Mil'nera. – M.: Fond ekonomicheskoi knigi «Nachala». – 180 s. (In Russ.)
14. Olson, M. (1995) Logika kollektivnykh deistvii. Obshchestvennye blaga i teoriia grupp [Logic of collective actions. Public goods and the theory of groups] /Mansur Olson; Per. s angl. E. Okorochenko. – M.: FEI. – 174 s.. (In Russ.)
15. Osobyie ekonomicheskie zony: Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiia RF [Special Economic Zones: Ministry of Economic Development of the Russian Federation] — URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/ regionalnoe_razvitie/instrumenty_razvitiya_territoriy/osobyie_ekonomicheskie_zony/ (data obrashcheniia: 10 marta 2022 goda). (In Russ.)
16. Pai, L. (2003) Nezapadnyi politicheskii protsess [Non-Western political process] /L. Pai //Politicheskaiia nauka. [olitical science] №2. S. 66-85(In Russ.)
17. Robbins L. (2017) Istoriia ekonomicheskoi mysli: lektsii v Londonskoi shkole ekonomiki [The History of Economic Thought: Lectures at the London School of Economics] /L. Robbins: per. s angl. N.V. Avtonomovoi pod red. V.S. Avtonomova. – M.: Izd. Instituta Gaidara. - 488 s. (In Russ.)
18. Riushemaier D., Evans P. (2014) Gosudarstvo i ekonomicheskie preobrazovaniia: k analizu uslovii effektivnogo gosudarstvennogo vmeshatel'stva [The state and economic transformations: to the analysis of the conditions of effective state intervention] //Klassika novoi ekonomicheskoi sotsiologii [Classic new economic sociology] /sost. V.V. Radaev, G.B. Iudin; per. s angl. is fr. ; pod nauch. red. V.V. Radaeva, G. Iudina. – M.: Izd. dom Vysshei koly ekonomiki. – S.192– 232. (In Russ.)
19. Turovskii R.F. (2007) Tsentr i regiony: problemy politicheskikh otnoshenii [Centre and the regions: problems of political relations] /

R.F. Turovskii. – М.: Izd. Dom GU VShE. - 399 s. S. 30. (In Russ.)

20. Folom'ev A.V. (2020) Promyshlennost' Rossii: sostoianie, konkurentnosposobnost' i perspektivy modernizatsii [Industry of Russia: state, competitiveness and prospects of modernization] /A.V. Folom'ev //Rossiia v XXI veke [Russia in the XXI century] /Pod red. L.E. Il'ichevoi, V.S. Komarovskogo. – М.: Izdatel'stvo «Aspekt Press». S. 286 – 302. (In Russ.)

21. Khedlund, S. (2015) Nevidimye ruki, opyt Rossii i obshchestvennaia nauka. Sposoby ob"iasneniia sistemnogo provala [invisible hands, the experience of Russia and social science. Ways to explain the system failure] / S. Khedlund; per. s angl. N.V. Avtonomovoi; pod nauch. red. V.S. Avtonomova. – М.: Izd.dom Vysshei shkoly ekonomiki. – 424 s. (In Russ.)

22. Eizenshtadt Sh. (1999) Revoliutsiia i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii [Revolution and transformation of societies. Comparative study of Civilizations] /Sh. Eizenshtadt; Per. s angl. A.V. Gordona pod red. B.S. Erasova. – М.: Aspekt Press. - 416 s. (In Russ.)

23. El'ster Iu. (2018) Kislyi vinograd. Issledovanie provalov ratsional'nosti [Sour grapes. The study of rationality failures] /Iu. El'ster; Per. s angl. I. Kushnarevoi; nauch. red. perevoda A. Morozov. – М.: Izd-vo Instituta Gaidara. - 296 s. (In Russ.)